Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2012. С. 185-190

УДК 811.511

СУБСТРАТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ*

Е. В. Захарова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье предлагается анализ ряда ландшафтных терминов субстратного происхождения, бытующих в топонимии Восточного Обонежья и отражающих разные этапы в этноязыковой истории региона. Реконструкция ареалов топооснов способствует как этимологической интерпретации субстратных терминов, так и выявлению основных потоков освоения исследуемого региона, этнических истоков этих потоков и границ расселения этносов на территории.

Ключевые слова: топонимия, ландшафтные термины, этническая история.

E. V. Zakharova. GEOGRAPHICAL TERMS OF SUBSTRATE ORIGIN IN THE TOPONYMY OF EASTERN OBONEZHJE

The paper presents an analysis of several landscape terms of substrate origin from the Eastern Obonezhje toponymy, which reflect different stages in the ethno-linguistic history of the region. Reconstruction of the distribution ranges of toponymic models facilitates both etymological interpretation of the substratal terms and identification of the main waves of human colonization of Eastern Obonezhje, the ethnic origins of these waves, and the boundaries of the settlement ranges of ethnic groups in the area.

Keywords: toponymy, landscape terms, ethnic history.

Территория Водлозерья и Пудожья, объединяющаяся по многочисленным данным археологии, истории, этнографии и фольклористики с примыкающей к ней с востока территорией архангельского Каргополья в единый ареал - Восточное Обонежье (в данной работе рассматривается территория, входившая в состав Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии, в настоящее время охватывающая Пудожский район Республики Карелия, Каргопольский район и юго-западную часть Плесецкого района Архангельской области), представляет собой западную окраину Русского Севера - зону, культурные традиции которой сформировались в ходе русского освоения «чудских» территорий с последующим обрусением местной чуди на фоне политического и экономического противостояния Новгорода и Москвы. Помимо славянских потоков, шедших сюда как через Обонежье, так и с р. Онега, в формировании историко-культурной и этноязыковой целостности территории принимало участие и прибалтийско-финское население, проникавшее сюда из Обонежья. Все это нашло

* Статья подготовлена в рамках выполнения проектов «Электронная топонимическая карта Олонецкой Карелии» (программа фундаментальных исследований РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики») и «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №. 12-04-12009).

отражение в русских говорах и топонимии данного региона, субстратный компонент которого определен исследователями как прибалтийско-финско-саамский (А. М. Шёгрен, М. Фасмер, А. И. Попов, А. К. Матвеев и др.).

Основными источниками материала для настоящей работы стали данные Научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), опубликованные и картографические источники.

Географическая лексика Восточного Обонежья уже становилась предметом исследований [Мызников, 2002, 2003, 2004], в данной работе предлагается анализ нескольких до сих пор не рассматривавшихся или получивших недостаточно полное освещение ландшафтных терминов субстратного происхождения, бытующих в топонимии данного региона. Анализ топонимического функционирования позволяет уточнить ареал термина, а также - в связи с привязкой его к объектам определенного вида - развитие семантики термина.

В 2008 году коллективом авторов ИЯЛИ КарНЦ РАН - И. И. Муллонен и Д. В. Кузьминым - в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» был осуществлен проект «Топонимический атлас Карелии», состоящий из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских, русских и саамских топооснов и топоформантов территории Карелии, с комментариями и анализом выявленных ареалов. Среди рассмотренных авторами топонимических моделей выделяются такие, которые широко бытуют и на исследуемой нами территории.

Так, авторы «Атласа» обнаруживают и картографируют более 40 топонимов с основой Vadag'/Vadai-, Вадог-/Вадег-, благодаря чему выясняется, что ареал бытования данной модели наиболее плотен на вепсской территории - в южном Присвирье, на севере он доходит до северного Обонежья, на западе достигает восточного Приладожья, на востоке захватывает Каргополье [Муллонен, Кузьмин, 2008. С. 223]. С помощью привлечения данных картотек Топонимической экспедиции УрФУ очерченный ареал может быть расширен, т. к. модель, используемая в названиях небольших речек, ручьев, болот, озер и сенокосных угодий, широко представлена в топонимии не только Пудожья и Каргополья, но также Вельского, Коношского, Мезенского, Няндомского, Пинежского и Холмогорского районов Архангельской области - всего более 30 топонимов, в том числе *Вадога, Вадоги, Вадеги, Вадинское болото, Ватеги, Завадежье, Бадеж, Вадожка, Вадожское, Верховадская, Вадожный, Вадосец* и др.

Большинство из приведенных примеров - простые по структуре названия, что позволяет возводить их к ландшафтному термину *вадога* 'покосы в низких, сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока; зарастающее лесом болото' [СРНГ], представленному на русской территории Карелии и в некоторых районах Ленинградской области, и *вадега* с широким спектром значений, включая 'глубокое спокойное место между перекатами на реке; прямой участок русла реки, плес; проток, рукав реки; омут, яма в реке; топь на болоте; заливной луг' [СГРС], имеющему более восточный ареал бытования. В топонимии Восточного Обонежья представлены оба варианта (вадога, вадега), а кроме этого, еще и фонетически и семантически близкая основа *вадья,* которая также бытует в названиях рек, озер, болот и сельскохозяйственных угодий: *Вадья, Вадьица, Вадьежское болото, Круглая Вадья, Длинная Вадья* и др. Для данной основы есть и соответствующий ландшафтный термин *вадья* 'небольшое бессточное озеро; яма на берегу реки, в которой после разлива осталась вода' [СГРС]. Как соотносятся три названных термина? М. Фасмер в свое время считал, что *вадега* восходит к исходному варианту *вадья,* который, в свою очередь, является коми заимствованием, ср. коми vadja 'болотистый, топкий' от vad 'болото, топь, лесной пруд' [Фасмер]. Однако дальнейшие исследования позволили внести уточнения в эту схему. Во-первых, был выявлен неизвестный Фасмеру вариант *вадога,* во-вторых, восстановлен из топонимии вепсский географический термин *vadag', родственный фин. и кар. vataja, vadai [Муллонен, 1994. С. 64], и реконструирована его семантика 'покос на болотистом месте', представленная в территориально смежных русских говорах. Оказалось, что *вадега* может рассматриваться как палатализованный вариант *вадоги,* в котором произошла (очевидно, на русской почве) регрессивная ассимиляция: *vadag' представлен в топонимии нередко в виде *Вадоги,* воспроизводящем палатализованный g'. Палатализация последнего согласного могла распространиться и на предшествующий, породив вариант *вадега* с палатализованным d'. Исходя из

сказанного, можно реконструировать в основе широко представленного в Восточном Обонежье термина вадога/вадега вепсский источник *vadag'. Судя по ареалу бытования, он распространился в бассейн р. Онега из Восточного Обонежья, бывшего в прошлом вепсским языковым ареалом (рис. 1).

Сложнее с термином *вадья,* поскольку имеются определенные сложности введения его в один ряд с *вадега.* Обращает на себя внимание также топонимический ареал, который, соприкасаясь с ареалом *вадога/вадега,* имеет все же более восточную привязку, в связи с чем, действительно, не исключены его коми истоки. Возможно, будучи воспринятой на востоке Русского Севера (ср. идентичность семантики русского и коми термина), данная модель затем распространилась в западном направлении вдоль путей миграции, где и соприкоснулась с моделью *вадога/вадега,* что привело к контаминации двух лексем - и фонетической, и семантической.

Второй субстратный ландшафтный термин, продуктивный в топонимии Восточного Обонежья, - *пахта* 'болото (сырое и сухое, заросшее и не заросшее травой, кустарником, лесом); покос на болоте; заросшее русло реки' [Топонимика Кенозера]. Он выступает в названиях болот, озер, ручьев либо в самостоятельном употреблении, либо в роли детерминанта сложных по структуре топонимов: *Валдапахта/Валдопахта, Гойпахта, Лайпахта, Большая/Малая Лепахта, Большой/Малый Лайпахтин ручей, Нешпахта, Пахта, Пахтовский ручей, Чистая Пахта, Вайпахта, Пахтозеро* и др. Нанесенные на карту (рис. 2), топонимы группируются в среднем Поонежье, откуда тянутся на восток через Подвинье в Пинежье. Топонимический ареал накладывается, очевидно, на маршруты транзитных водно-волоковых путей, пересекавших водоразделы Онеги и Северной Двины.

Обращает на себя внимание тот факт, что в архангельской топонимии встречается *похта* как фонетический вариант к *пахта: Нешпахта/Нежпохта, Валдапахта/Валдопохта, Лепахта/Лепохта,* в то время как в северном Белозерье и в других районах Вологодской области фиксируется модель *похта: Похта, Большая/Маленькая Похта, Соколья Похта, Запохотье, Похтозёра, Запохотский ручей* и др. С учетом привязки ее к Белозерью, рано подвергшемуся древнерусскому освоению, сопряженному с неразличением а и о, *пахта* превратилась в *похту.*

Для понимания этимологических истоков термина предлагается обратить внимание на приб.-фин. лексему pehka, pehku (фин.), pehko, pehku (кар.), pehk (вепс.) 'гнилая, трухлявая древесина', которая вписывается в ряд примеров звукоперехода приб.-фин. *е* > севернорус. *а* в словах с заднерядными гласными: приб.-фин. vehka 'белокрыльник болотный' > вахта 'трифоль, водяной трилистник'; фин. vehmasto 'густой лиственный лес, кустарник', эст. võhmas 'остров на болоте' > вагмас 'заболоченный лес с буреломом и кустарником', соответственно приб.-фин. pehku > пахта [Муллонен, 2002. С. 64]. В этой паре отобразилась еще одна фонетическая особенность - переход чуждого русской фонетике приб.-фин. *hk* > рус. *хт:* ср. вепс, pihk 'густое мелколесье; молодой хвойный лес' > рус. пихка, пивка, пиха, пихта 'частые заросли кустарника; густой хвойный мелкий лес' [Меркулова, 1960. С. 50-51], приб.-фин. vihko, vihk 'пук, связка' > рус. вихтус 'соломенный жгут для утепления входной двери' [Матвеев, 1995. С. 32].

В специальной литературе соотношение приб.-фин. е - севернорус. *а* трактуется по-разному: одни видят за ним особенность адаптации приб.-фин. звука к русской фонетике, другие предполагают, что севернорус. *а* в приведенной ситуации - наследие существовавшего в Белозерье и смежных районах особого языка прибалтийско-финского или прибалтийско-финско-саамского типа. К примеру, финский исследователь Я. Саарикиви полагает, что это был язык, входивший в группу южных прибалтийско-финских языков, в котором на месте е севернофинских языков выступает более южный звук *ä/a* [Saarikivi, 2006. S. 50].

Добавим к этому, что хотя приб.-фин. pehku/pehk и севернорус. пахта/похта имеют разную семантику, вепсская лексема активно используется в топонимии, при этом нередко именно в гелонимах, т. е. наименованиях болот [Муллонен, Кузьмин, 2008. С. 230-231]. В карельской топонимии основа не востребована, в связи с чем можно полагать, что в Восточном Обонежье мы имеем дело именно с вепсским наследием: *Пёхка, Пёвка, Пёховское болото, Пёхтач, Пёхтальница, Пехозеро, Пехозерко* и др.

Картографирование топонимов свидетельствует о том, что на территории Поонежья две топоосновы - вепс. Pehk и севернорус. Пахта сосуществуют, при этом намечаются разные пути проникновения названных типов на эту территорию: Пахта распространяется из Белозерья через известный Ухтомский волок в Поонежье, а оттуда далее на восток, Pehk, в свою очередь, оттягивается из Восточного Обонежья по местным волокам, соединяющим

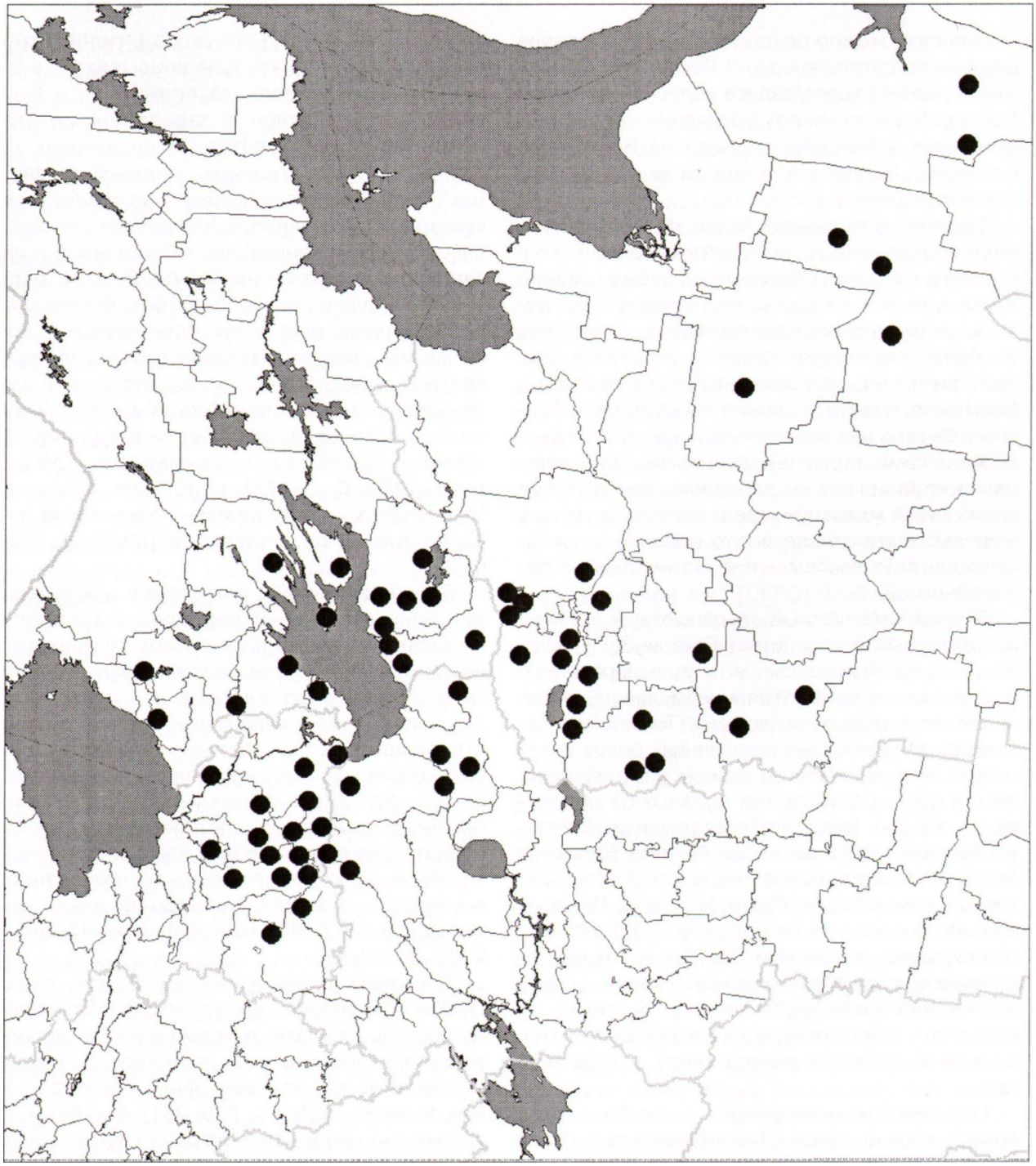

Рис. 1. Распространение топонимной модели с основами Vadag'/Vadai-, Вадог-/Вадег-

бассейн Онежского озера с бассейном р. Онега. Такая ареальная и фонетическая дистрибуция должна рассматриваться как свидетельство разных этноязыковых истоков топооснов. Если основа Pehk- и ее варианты маркируют продолжение на восток исторического вепсского ареала, то Пахта/Похта (и соответственно географический термин пахта) являются языковым наследием другого, родственного в языковом плане, этноса, населявшего в свое время до активной русской колонизации район Белозерье - Поонежье.

Географический термин *нюра/нёра,* бытующий в русских говорах как Восточного Обонежья, так и Заонежья в значении 'подводная мель в озере (песчаная или каменистая)' [Топонимика Кенозера], 'подводная мель' [Куликовский], хорошо известен в топонимии Кенозерья и на Корбозере, несколько фиксаций обнаруживается также в Мезен-

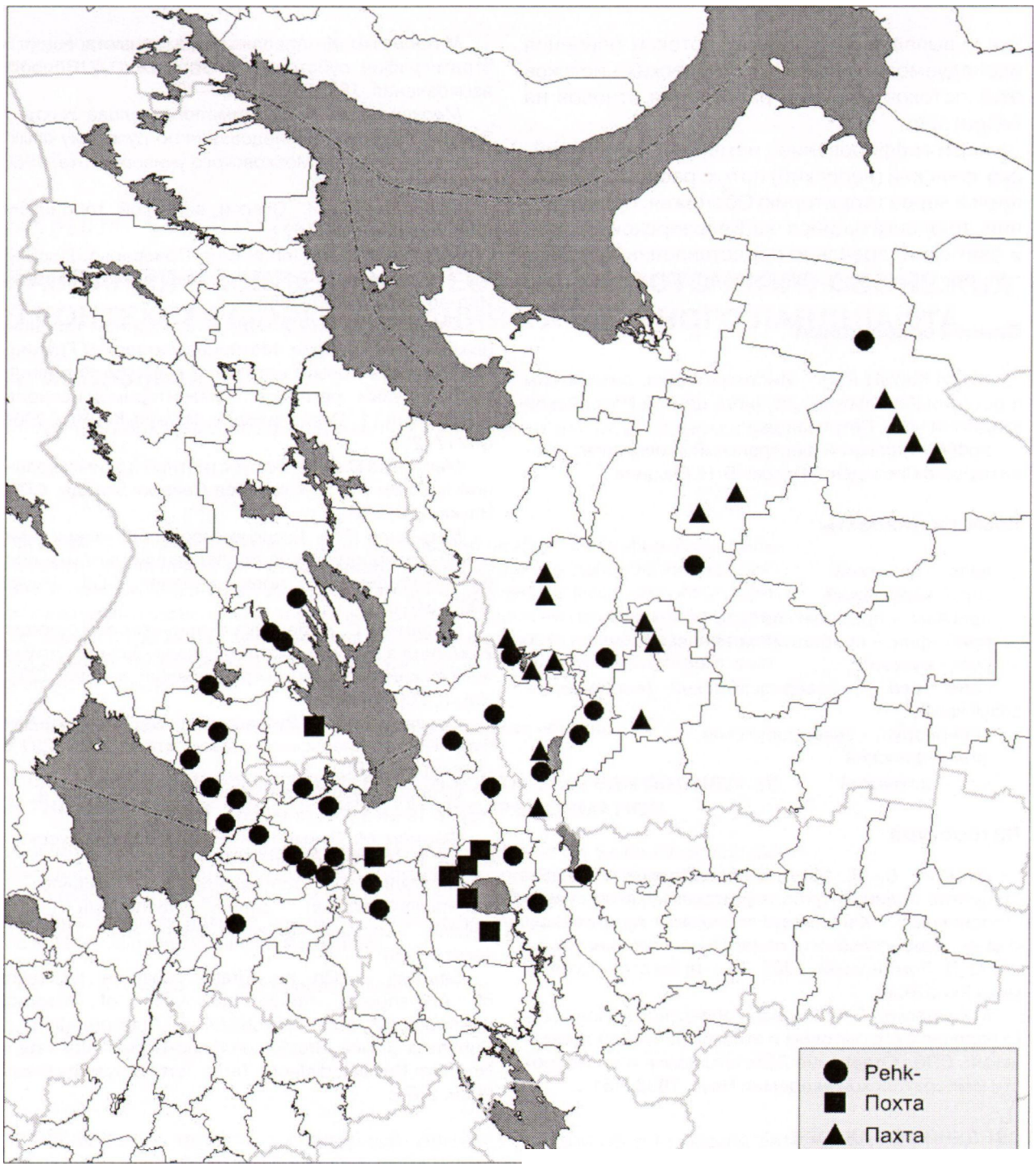

Рис. 2. Ареал топонимных моделей с основами Pehk-, Пахта, Похта

ском и Приморском районах Архангельской области: *Нюра, Нюрица/Нюрича, Медвежинская Нюра, Нюры, Нёра* и др. Данная модель используется в наименовании низких заливных островов, поросших травой отмелей, покосов, единичная фиксация - в наименовании реки. Надо полагать, что нюра/нёра является примером саамского наследия на исследуемой территории: ср. прасаам. *ńōrę, сев. njuorrâ, Инари njuora, Колтта njuõrr, Кильдин ńūrr 'подводный камень', 'мель' [YS] или прасаам. *ńērē, сев. njærre, Инари njeeri, Колтта njiä'rr, Кильдин ńie'rr 'мелкий порог', 'луг вдоль ручья' [YS].

Три топонимические основы, восходящие к соответствующим географическим терминам, отражают, по-видимому, три этапа в этноязыковой истории Восточного Обонежья, а реконструкция их ареалов способствует как этимологической интерпретации субстратных терминов,

так и выявлению основных потоков освоения исследуемого региона, этнических истоков этих потоков и границ расселения этносов на территории.

Картографирование намечает прибалтийско-финский (вепсский)поток, распространяющийся через территорию Обонежья; более ранний, продвигающийся из Белозерской округи, и саамский, ареально представленный от Восточного Обонежья на восток до Мезени.

Список сокращений

ИЯЛИ КарНЦ РАН - Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск

УрФУ - Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Языки и диалекты

вепс. - вепсский
кар. - карельский
прасаам. - прасаамский
приб.-фин. - прибалтийско-финский
рус. - русский
саам. сев. - северносаамский (=норвежско-саамский)
севернорус. - севернорусский
фин. - финский
эст. - эстонский

Литература

Дерягин В. Я. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера» Ч. II. Архангельск: Изд-во Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова, 1987. 36 с. (в тексте - Топонимика Кенозера).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Отделение Русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1898. 151 с.

Матвеев А. К. Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 29-42.

Меркулова В. А. К этимологии слова пихта // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С. 46-51.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 356 с.

Муллонен И. И., Кузьмин Д. В. Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2008. С. 217-256.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2002. 361 с.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Словарь говоров Русского Севера, Т. II. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 291 с. (в тексте - СГРС).

Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л.: Наука, 1969. 357 с. (в тексте - СРНГ).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964. 562 с.

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. 200. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1989. 180 s. (в тексте - YS).

Saarikivi J. On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects. Tartu: Tartu University Press, 2006. 297 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Захарова Екатерина Владимировна
Стажер-исследователь сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: katja.zaharova@mail.ru
тел. (8142)781886

Zakharova, Ekaterina
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: katja.zaharova@mail.ru
tel.: (8142)781886